

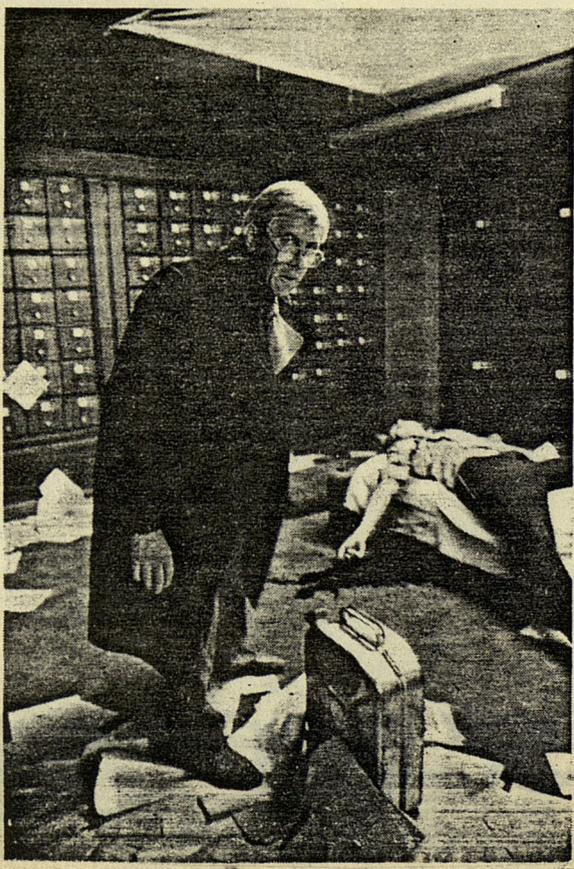
1992, февр.

Милькина С.

Журнал и книга - 1992 - 13-20 марта / № 4 - с. 16

Михаил ШВЕЙЦЕР:

«Я человека не предаю»

«Как живете, караси!» — так называется новый фильм Софьи Милькиной и Михаила Швейцера, премьера которого состоялась 7 февраля в Центральном Доме кинематографистов.

как мне кажется, дает моральное право режиссеру затрагивать эту болезненную для нашего народа тему.

— Когда мне было 15 лет и я шла с экзамена по литературе с перемазанными чернилами руками, шла на Сретенку в свою в общем-то счастливую коммунальную жизнь с сорока примусами на кухне и шестнадцатью комнатами, возле парадного меня окликнул человек с рябым лицом. Он сказал, что подруга Нина хочет меня видеть в Печатниковом переулке. Я удивилась, потому что только с ней рассталась. «Ей надо что-то у вас спросить». В переулке меня хватают, сажают в черную машину и везут на Лубянку. «Назовите всех своих знакомых». Что особенного! Перечисляю. А мне попутно рассказывают такие подробности из жизни нашей комнаты, как будто сидели у нас под кроватью.

«Меня дома ждут. Я не понимаю, что вы от меня хотите!»

«Мы вам оказываем большое доверие. Вы знаете, какое положение у нас в стране. Мы должны знать наших врагов».

И постепенно переходит к техническим вопросам. Анкету заполнить, бумажки какие-то подписать, псевдоним придумать. («Скрипка» — вы ведь играете на скрипке).

Тут меня как ошпарило:

«Мне всего 15 лет! У меня нет паспорта! Я не имею права и не буду подписывать никакие документы! Мне не надо этой бумажки, если я встречу врагов народа, я вам и так позвоню».

Был май. Страшная жара. На мне платье из сатина «либерти», бежевое в крапинку. Туда я вошла веселая пионерочка, а вышла другим человеком. Первые три месяца я сидела с ума, ходила по улицам, а мне все время казалось, что кто-то нет-нет и окликнет: «Скрипка!» Потом была война. Но ничего страшнее в моей жизни уже не было.

С тех пор у меня появился какой-то внутренний индикатор: вот это стучит, а это нет. Бывали случаи, когда я знала, что со мной сидит стучач. Он не друг, но бывает у меня за столом, и мы пьем вино, и я даже люблю его немножко. Просто знаю, что при нем нельзя говорить, чтобы не ставить его в ложное положение.

Когда мы сделали картину «Тугой узел» по сценарию Тендрякова и началась травля, я, помню, вышла из больницы и пошла в кинотеатр, посмотрела картину и не узнала — это была другая картина, с другим названием. Позвонила возмущенная главному редактору на студию. А он говорит: «Да бросьте вы, Софья Абрамовна, вашим мужем органы интересуются, а вы такую чепуху говорите».

Тогда же, в период травли, помню, был день рождения. Полно народу. Один артист выпил лишнего и остался ночевать у нас. Уже рассвет. Вижу, он горько плачет и говорит: «Дорогие мои, любимые, простите меня, я завербован за вами следить. Это из-за «Тугого узла». Никогда ни одного слова не сказал и не скажу плохого про вас. Я говорю вам это, чтобы вы знали — пол вашего стола — враги ваши». Через два месяца он попал в сумасшедший дом. Совестливый человек. Звонил откуда и говорил: «Здесь так хорошо. Давайте сюда — отдохнете».

Все это Софья Абрамовна рассказывала мне в студии «Мосфильма», куда я напросилась посмотреть, как идет озвучание картины. Швейцера не возражал: приходите, только ничего интересного вы не увидите. А разговаривать нам будет некогда.

Смотреть действительно оказалось нечего — работа шла плохо. У звуковиков постоянно не срабатывала техника. И артистам приходилось повторять одну и ту же фразу нелепое число раз. Милькина горячилась:

— Невозможно работать! Почему из-за этого должны терять время такие артисты!

А вокруг действительно были одни знаменитости: Александр Калягин, Николай Пастухов, Валерий Золотухин.

Швейцера казался абсолютно спокойным, даже шутил. И всякий раз, проходя мимо меня, приговаривал: я же говорил — ничего интересного. Но мне было интересно. Супруги казались абсолютно разными. Софья Абрамовна — общительная, горячая, стремительная женщина и Михаил Абрамович — очень выдержанный и спокойный, неохотно идущий на контакт с малознакомыми людьми. Два месяца я пыталась потом встретиться с ним для интервью и с тупой настойчивостью звонила почти каждый вечер. Он не отказывал, и вообще был очень вежлив, но каждый раз говорил: позвоните луч-

ше завтра. Наконец я добила своего. Мы сидели в монтажной. Он говорил о людях, о Боге, о смысле жизни, говорил куда-то в сторону, изредка поглядывая на меня и, кажется, удилаясь, зачем он говорит о таких серьезных и важных для него вещах с незнакомым человеком.

— Мне казалось, что я не буду делать больше картин о сегодняшнем дне. После «Тугого узла» — картины, которая была вообще разгромлена как антипартийная и порочная, я дал себе зарок не делать фильмов о современности. Не потому что не хотел бунтовать против советской власти. Бунтовать надо вообще не против власти, а против людей. Потому что безразличные люди ничего, кроме безразличной жизни, сделать не могут. Про это картина. Про это раздумья. Про перспективы нашей жизни. Боюсь, что их нет. Потому что люди забывают о своих обязанностях истинных — человеческих. Кричат о правах, а забывают об обязанностях — быть человеком, как его задумал Господь Бог. А он отступает. Потому что это трудно. И не понимает, не проникается одной простой истиной, что жить очень трудно по Идее. Что жизнь так и задумана: без преодоления нет движения — человек становится покойником. Все мои картины об этом. Все это один и тот же разговор. А другого-то предмета для разговора в искусстве и не существует, даже когда оно ставит задачу развлечь.

Вся наша жизнь кишит доносами, улица кишит. Каждый митинг — донос. Это все натравливание людей друг на друга. Толпа ли растерзает, КГБ ли заберет — это все одно и то же. А в душе человека положен закон, что этого делать нельзя. Запрещено. Меня лично вы можете четвертовать, но я человека не предаю. Вот что такое человек религиозный.

Говорят, человек рождается свободным. Это неправда. Он рождается рабом божьим. Как правильно заметил Толстой, существует две возможности существования человеческого — или быть рабом божьим, или быть рабом человеческим. Вот и вся свобода. Свобода выбора.

Есть правила, так же, как правила уличного движения — поехал по левой стороне — ну и получай в лоб. А не знаешь правил, не садись за руль. Хочешь жить, нарушая эти правила, — живи. Но тогда ни на кого не обижайся. Вот и все, что в какой-то степени хотелось сказать в картине. Но для того, чтобы это сказать, нужно еще много картин сделать. Потому что об этом надо говорить все время. Каждый раз уясняя себе самому все это. Вот в чем смысл и назначение работы для меня. Сначала я картину учу. А потом она меня учит.

Ирина МОРСУНОВА.

● Валерий Золотухин в роли карася-либерала. Кадр из фильма.

Фото И. Гневашева.

● Софья Милькина и Михаил Швейцера. Фото из книги Л. Рыбака «Как рождались фильмы Михаила Швейцера».